

УДК 316.776

ПРОВОКАТИВНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

А. С. СОЛОДУХО¹⁾, А. В. ЛОЗОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается история возникновения понятия «провокативность» и хронология его употребления в русскоязычных научных источниках. На основании анализа психологических публикаций, содержащих термин «провокативность», выводятся три основных значения термина в зависимости от контекста употребления: провокативность может рассматриваться в качестве полного синонима к термину «провокационность» в нейтральной коннотации; в качестве психологического воздействия, обладающего стимулирующим потенциалом (антонима к термину «провокационность» в негативной коннотации); в качестве гипонима по отношению к термину «манипулятивность» в нейтральной коннотации. Предлагается авторское определение понятия «провокативность» в контексте интернет-коммуникации.

Ключевые слова: провокативность; провокационность; провокация; стимул; манипуляция; интернет-коммуникация.

PROVOCATIVENESS IN INTERNET COMMUNICATION: THE PROBLEM OF CONCEPT DEFINING

A. S. SALADUKHA^a, A. V. LAZOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. V. Lazouski (lozovskiy.1992@mail.ru)

This article examines the history of the concept of «provocativeness» and the chronology of its use in Russian-language scientific sources. Based on the analysis of psychological publications which texts contained the term «provocativeness», the three main meanings of this term are highlighted (depending on the context of its use): in the texts of various authors, the term «provocativeness» can be considered as a synonym for the phrase «motivating for reaction» in neutral connotation, as a psychological effect with a stimulating potential (in positive connotation), as well as a hyponym for the term «manipulative» in neutral connotation. The author's definition of the concept «provocativeness» in the context of Internet communication is proposed.

Key words: provocativeness; provocation; incentive; manipulation; Internet communication.

Провокативность является характерной чертой некоторых категорий пользователей интернета середины 2010-х гг., в частности контент-мейкеров (блоггеров, видеоблоггеров, интернет-журналистов и др.) и интернет-троллей. Однако прежде, чем дать определение понятию «провокативность в ин-

Образец цитирования:

Солодухо АС, Лозовский АВ. Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019;1:104–109.

For citation:

Saladukha AS, Lazouski AV. Provocativeness in internet communication: the problem of concept defining. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;1:104–109. Russian.

Авторы:

Александр Сергеевич Солодухо – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Александр Валерьевич Лозовский – преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Aliaksander S. Saladukha, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

asoloduho@gmail.com

Aliaksander V. Lazouski, lecturer at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

lozovskiy.1992@mail.ru

тернет-коммуникации», необходимо рассмотреть историю возникновения и специфику употребления данного термина в научных публикациях.

Термин «провокация» произошел от латинского *provocatio*, которое в прямом переводе обозначает «вызов» [1]. Несмотря на то что по версии М. Фасмера данное понятие присутствовало в тезаурусе русского языка со времен правления Петра I [2, с. 372], активное использование термина «провокативность» носителями языка началось лишь в конце первого десятилетия XX в. в связи с широким освещением в прессе Российской империи так называемого дела Азефа (в рамках которого был разоблачен революционер, являвшийся при этом сотрудником Департамента полиции). Из стенограммы речи, произнесенной государственным деятелем П. Столыпиным в 1909 г., следует, что участники революционного движения характеризовали термином «provokator» как тайно внедрившихся в революционную группу полицейских, так и их информаторов [3, с. 189–190]. Позже, в 1920–30-х гг., термин «provokator» стал использоваться в советской государственной прессе и советской литературе как синоним к терминам «предатель» и «подлец» [4, с. 96, 269–270]. Данное обстоятельство нашло отражение в толковых словарях русского языка, вышедших в первой половине XX в. (в частности, в словарях Д. Ушакова и С. Ожегова), закрепив за понятием «провокация» стойкую негативную коннотацию в бытовом общении. В то же время термин «provokatsionnyy» начал использоваться в советской прессе первой половины XX в. в качестве синонима к термину «возмутительный».

В 2017 г. филолог С. Тумский проанализировал специфику употребления термина «провокация» в контекстах современных русскоязычных научных публикаций в сфере политологии, юриспруденции, философии и лингвистики. Результаты исследования показали, что исследователи зачастую описывают провокацию как преднамеренное, многоэтапное, потенциально неочевидное для провоцируемого действие, призванное поставить адресата в ситуацию, сопряженную с определенным риском (и, следовательно, потенциальным ущербом), при этом происходит провокация объекта на совершение определенных действий [5, с. 3].

Как отмечает культуролог Т. Шеметова, ни в латинском языке, ни в современных европейских языках понятие «провокация» не рассматривается исключительно в негативном контексте [6, с. 12–13]. Аналогично исследователи А. Дмитриев и А. Сычев указывают на то, что «в большинстве европейских языков слово “провокация” имеет нейтральный смысл и обозначает всякое действие, нацеленное на вызов ответной реакции», однако «в отечественной традиции провокация понимается преимущественно в негативном значении: как манипулятивная деятельность, которая паразитирует на доверии

и использует подстрекательство, предательство и обман ради нанесения противнику как можно большего ущерба» [7, с. 296]. По нашему мнению, наиболее приближенная к истине версия возникновения в русском языке термина «провокативность» – стремление авторов избавиться понятие «провокация» от негативной коннотации.

В 1974 г. американские психотерапевты Ф. Фаррелли и Д. Брандсма выпустили книгу *Provocative Therapy*, которая в 1996 г. была переведена и опубликована издательством «Екатеринбург» под названием «Provokatsionnaya terapiya». Однако русскоязычные последователи Ф. Фаррелли стали называть себя «provokatsionnyimi terapevtami», вероятно, опасаясь, что по ряду причин название «provokatsionnyy terapevt» привлечет к себе гораздо меньший интерес клиентов. Стоит отметить, что в 2012 г., когда словосочетание «provokatsionnyy terapevt» стало устоявшимся, данная работа была официально переиздана компанией «Е-Принт» под названием «Provokatsionnaya terapiya» [8].

Представляется невозможным установить, когда и кем именно был впервые употреблен неологизм «provokatsionnyy», однако известно, что уже в 2001 г. он использовался в названии научной статьи психолога Е. Морозовой [9]. В июне 2003 г. в газете «Коммерсантъ. Деньги» было опубликовано интервью с Ф. Фаррелли, содержащее в себе словосочетание «provokatsionnaya terapiya» [10]. В том же году вышла монография исследователя В. Степанова, в названии которой употреблялся термин «provokatsionnyy» [11], а также статья Е. Карпиевич и Т. Красновой, в тексте которой также присутствовал данный термин [12, с. 43]. Перечисленные обстоятельства указывают на то, что в период с 1996 по 2003 г. термины «provokatsionnyy» и «provokatsionnyy» начали использоваться носителями русского языка наряду с терминами «provokatsionnyy» и «provokatsionnyy».

В период с 2004 по 2005 г. вышли две статьи и диссертация В. Степанова (2004, 2005), а также статья и диссертация Е. Морозовой (2005), каждая из работ содержала термин «provokatsionnyy» в названии. В период с 2006 по 2010 г. вышли еще как минимум двенадцать научных статей, в названии которых обнаруживается слово «provokatsionnyy». Это работы В. Степанова (2006, 2008, 2009), А. Енина (2006, 2008, 2009, 2010), Н. Кошкарновой (2007, 2008, 2009), Е. Хуртовой (2007) и С. Сорокиной (2008). В 2013 г. с употреблением данного термина в названии вышли работы А. Енина, Е. Гусевой, Н. Сюевой, А. Штеба, а в 2014 г. – В. Степанова, А. Зобовой. В публикациях, вышедших в 2015 г., упоминаются такие словосочетания, как «provokatsionnyy diskurs» (А. Козлов, И. Саженин), «provokatsionnaya taktika» (Н. Кошкарнова), «provokatsionnyy zhest» (З. Мелосик, Т. Шкудляр) и др. Филолог Л. Икитян выпустила три ста-

ть с употреблением термина «провокативный» в названии в 2016 г. и одну в 2017 г. Также в 2017 г. исследователи А. Дмитриев и А. Сычев опубликовали монографию, посвященную изучению провокации как феномена, в работе термин «провокативный» и его производные встречаются 26 раз, а «провокационный» и его производные – 102 раза [6]. Таким образом, мы можем констатировать, что в период с 2001 по 2017 г. термин «провокативный» начал активно использоваться исследователями, работающими в направлениях психологии, философии и филологии.

Проведенный нами анализ научных публикаций, относящихся к теме психологии и содержащих в своих текстах термин «провокативность» либо его производные, позволил выявить три основных значения понятия в зависимости от контекста употребления его различными исследователями.

В текстах первой группы авторов понятие «провокативность» синонимично понятию «провокационность» в нейтральном контексте. В данном случае термин обладает нейтральной коннотацией и характеризует некое явление (например, действие или высказывание), содержащее в себе провокацию, т. е. побуждающее объект провокации к определенной, заранее ожидаемой провокатором реакции. Провокативность либо провокационность при этом рассматривается авторами не как совершение вредоносных действий, приводящих исключительно к нанесению урона провоцируемому, а, напротив, в рамках концепции провокативной психотерапии Ф. Фаррелли [8] и схожей с ней концепции провокативной педагогики А. Енина [13] как действие, при котором объект провокации (в частности, клиент либо обучающийся) побуждается провокатором к размышлениям, приводящим, как ожидает провокатор, адресата к обретению самостоятельности в суждениях и действиях. Впрочем, исследователи не характеризуют «провокативность» как исключительно позитивное явление, что указывает на возможность некачественного провокативного терапевта либо педагога нанести вред клиенту либо обучающемуся. В статьях Е. Хуртовой и Н. Сюевой понятие «провокативный» в большинстве случаев используется как элемент устоявшихся словосочетаний, характерных для дискурса в рамках метода Ф. Фаррелли (таких как «провокативная коммуникация», «провокативный терапевт» и др.) [14; 15]. В работе А. Зобовой, равно как и в труде А. Козлова и И. Саженина, термин «провокативность» может быть заменен на термин «провокационность» без значительных семантических потерь [16; 17]. Возможно, авторы не пожелали использовать последний из-за связанной с ним негативной коннотации либо пришли к выводу о том, что термин «провокационный» будет вносить в их тексты двусмысленность (к примеру, выражение «провокационный дискурс» может трактоваться читателем неодно-

значно, т. е. либо как дискурс, включающий в себя разнообразные контексты, связанные с феноменом провокационности как свойства некоего объекта, либо как дискурс, способный спровоцировать человека, наблюдающего за его протеканием со стороны, на некое действие). В работе А. Дмитриева и А. Сычева термины «провокативный» и «провокационный» используются как равноценные синонимы, при этом оба они употребляются преимущественно в нейтральной коннотации и являются взаимозаменяемыми: исследователи используют каждый термин в сочетании с такими понятиями, как «поведение» или «действие», при этом смысл словосочетаний остается неизменным. Кроме того, в самом тексте не приводится указаний на какое-либо семантическое различие между терминами «провокативный» и «провокационный» [7].

В текстах второй группы авторов понятие «провокативность» антонимично понятию «провокационность» в негативном контексте (когда под последним подразумевают деятельность, наносящую объекту провокации ущерб). В данной трактовке термин «провокация» обладает позитивной коннотацией и рассматривается в качестве стимулирующего и развивающего фактора. Основоположником такого подхода является психолог Е. А. Морозова, интегрировавшая понятие «провокативность» в социальную психологию в 2005 г. Согласно одному из определений автора провокативность представляет собой «психологическое воздействие, которое вызывает напряжение, фрустрацию», но при этом «как по намерениям провоцирующей стороны, так и по результату не несет разрушительных негативных последствий для объекта воздействия» и «способствует позитивным изменениям, обладает стимулирующим потенциалом» (т. е. выполняет функцию «катализатора развития») [18, с. 19–21]. Аналогичной точки зрения придерживается психолог С. Е. Сорокина, которая использует концепцию Е. А. Морозовой в качестве одного из элементов теоретического базиса своего исследования [19]. Работа психолога Е. С. Гусевой демонстрирует, что провокативность способна не только выступать в качестве коммуникативной стратегии и метода социального-психологического воздействия, но и выполнять художественно-выразительную и смыслообразующую функции [20]. Оптимистичного взгляда на понятие провокационности придерживается также психолог А. Полонников, описывая методологическую концепцию «педагога как трикстера», в рамках которой провокация выступает преимущественно в качестве стимула для развития навыков и способностей обучающихся [21, с. 276–283].

Наконец, в текстах третьей группы авторов понятие «провокативность» является гипонимом по отношению к понятию «манипулятивность» в нейтральном контексте. Провокация в этом случае рассматривается либо как частный случай манипу-

ляции, либо как действие, содержащее в себе элементы манипуляции (при этом понятие манипуляции может трактоваться автором в максимально общем смысле, включающем в себя не только злонамеренные действия манипулятора, но и бытовые действия, лежащие в основе социальной интеракции). Провокативность, понимаемая в первую очередь как манипулятивный акт, подразумевает наличие у провокатора заранее продуманного плана действий и намеренность на исполнение данного плана. К примеру, в работах филолога В. Степанова понятие «провокация» зачастую указывает на речевую конструкцию как на стимул, намеренно применяемый одним участником коммуникации к другому для того, чтобы вызвать у последнего определенную, заранее ожидаемую первым реакцию (о чем сам объект провокации не догадывается) [22]. Исследователь рассматривает речевую провокацию как способ описания отношений между репликами в рамках диалога: когда реплика одного участника коммуникации направлена на то, чтобы вызвать (спровоцировать) ответную реакцию другого участника коммуникации в качестве реплики [23, с. 177]. Примером провокации такого типа может являться фрагмент диалога покупателя с продавцом, в рамках которого покупатель при помощи речевых конструкций манипулирует поведением продавца (провоцируя его передать определенный товар в обмен на деньги), либо фрагмент взаимодействия кондуктора и пассажира в транспорте, в рамках которого первый провоцирует второго предъявить проездной талон. Аналогичного взгляда на родственность понятия «провокация» понятию «манипуляция» (и, следовательно, близости понятий «провокативность» и «манипулятивность») придерживается филолог Н. Кошкарлова: схожесть обнаруживается при анализе косвенного провокативного общения, которое, согласно автору, «выражается посредством речевых актов намека, запроса информации, этикетных речевых актов (изначально выгодных для адресанта и адресата – комплиментов, благодарностей, извинений и т. д.)». Такая завуалированная, тайная провокация (являющаяся, по сути, манипуляцией) противопоставляется исследователем прямой провокации, речевые акты которой содержат «эксплицитное выражение намерения адресанта вызвать у собеседника желаемое психологическое состояние» [24, с. 51].

В дополнение к перечисленным выше определениям понятия «провокативность» необходимо предложить еще одно, отражающее специфику употребления данного термина в условиях дискурса психологии интернет-коммуникации. Согласно нашим наблюдениям, пользователи русскоязычных интернет-ресурсов зачастую употребляют термин «провокативность» для обозначения стремления провокатора вызвать определенную реакцию у объекта провокации при помощи воздействия

на его эмоциональное состояние. В зависимости от условий употребления данный термин может иметь нейтральную (указание на стремление к провоцированию) либо негативную (выражение пренебрежения говорящего по отношению к материалу, автор которого, как считает говорящий, стремился спровоцировать определенную реакцию реципиентов) коннотацию. Зачастую термин «провокативность», если он применяется для характеристики качества того или иного интернет-контента, указывает на то, что говорящий интерпретировал некий элемент данного контента как «свидетельство» стремления провокатора вызвать у аудитории (на которую рассчитан контент) некую реакцию.

Важно отметить семантическое различие между понятиями «провокационность» и «провокативность» в контексте интернет-коммуникации. Термин «провокационный», в зависимости от контекста, констатирует, что определенное действие провокатора потенциально способно вызвать либо уже вызвало у реципиента некую ответную реакцию. Термин «провокативный» указывает в первую очередь на осознанное стремление актора совершить действия, которые спровоцируют реципиента на определенную, заранее ожидаемую актором ответную реакцию.

В дополнение к этому термин «провокативность» подразумевает, что провокация может как достигать поставленной провокатором цели (т. е. вызывать у объекта провокации прогнозируемую провокатором и выгодную ему реакцию), так и не достигать ее (т. е. игнорироваться объектом провокации либо вызывать у него реакцию, которая невыгодна провокатору).

Интернет-пользователи по умолчанию считают, что, прежде, чем опубликовать определенный материал, актор должен сформулировать идею. После этого он осознанно воплощает ее в виде некоего сообщения (в текстовой, графической, аудиальной либо аудиовизуальной форме), а затем намеренно выкладывает информацию в открытый доступ. Следовательно, действия актора в интернет-коммуникации обычно рассматриваются другими участниками как намеренные (исключая ситуации, когда пользователь заранее предупреждает других участников об обратном, например, о взломе своего аккаунта).

К признакам, на основании которых участник интернет-коммуникации может заключить, что создатель контента стремился спровоцировать реципиентов на определенную реакцию, относим следующие:

- 1) использование автором тем, способных побудить зрителей к переживанию определенных эмоций (темы одиночества, печали и утраты могут спровоцировать у реципиента чувство жалости, а тема несправедливости, в зависимости от пода-

чи, может также провоцировать жалость либо гнев и т. д.);

2) высказывание автором мнения, не соответствующего контексту ситуации (критика рок-музыки на сайте поклонников данного направления, злорадство либо критика популярного человека в комментариях к новости о его гибели);

3) высказывание автором мнения, которое противоречит моральным нормам современного общества и с высокой долей вероятности будет воспринято отрицательно большинством его представителей (оправдание насилия над домашними животными, утверждение об исключительной пользе потерь военного и гражданского населения в результате Второй мировой войны для предотвращения перенаселения Земли в середине XX в.);

4) инструкция либо открытый призыв к совершению определенных действий (просьба поставить под запись «лайк», распространить некое сообщение либо помочь со сбором денежных средств и др.);

5) унижение или оскорбление конкретного пользователя интернет-коммуникации либо определенной группы людей, объединенной как минимум одним признаком.

Таким образом, в работах русскоязычных исследователей термин «провокативность», в зависимости от контекста употребления, может выступать в качестве синонима к термину «провокационность», в качестве характеристики «психологического воздействия, обладающего стимулирующим потенциалом», и в качестве гипонима по отношению к термину «манипулятивность». Предложенная нами четвертая характеристика рассматривает понятие «провокативность» в контексте интернет-коммуникации как «стремление провокатора к вызову определенной реакции у объекта провокации при помощи воздействия на его эмоциональное состояние» (при этом подразумевается, что провокатор действует намеренно, с целью достичь заранее ожидаемых результатов).

Библиографические ссылки

1. Дворецкий ИХ. *Латинско-русский словарь*. Москва: Русский язык; 1976.
2. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка. Том 3*. Турбачев ОН, переводчик. Москва: Прогресс; 1987.
3. Столыпин ПА. Речь о деле Азефа, произнесенная в Государственной Думе 11 февраля 1909 года, в ответ на запросы № 51, 52. В: Фельштинский ЮГ, редактор. *Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911 гг.* Москва: Молодая гвардия; 1991.
4. *История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)*. Москва: Правда; 1938.
5. Тумский СВ. Провокация как социальное действие: определение феномена в контексте кроссдисциплинарного анализа. *Социодинамика*. 2017;8:1–11.
6. Шеметова ТН. Искусство провокации и идеальный провокатор. *Обсерватория культуры*. 2014;1:11–17.
7. Дмитриев АВ, Сычев АА. *Провокация: социофилософские очерки*. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга; 2017.
8. Фаррелли Ф, Брандсма Д. *Провокативная терапия*. Кучиния П, переводчик. Екатеринбург: Е-Принт; 2012.
9. Морозова ЕА. Провокативность как метод социально-психологического воздействия (на примере авангардного искусства). В: Кондратьев МЮ, Сачкова ЕМ, редакторы. *Социально-психологические проблемы образования: вопросы теории и практики. Часть 2*. Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет; 2001. с. 28–41.
10. Алеева Е. Консультация в духе провокации. *Коммерсантъ. Деньги* [Интернет]. 16 июня 2003 [процитировано 29 сентября 2018]. 23(428). Доступно по: <https://www.kommersant.ru/doc/388873>.
11. Степанов ВН. *Провокативный дискурс социально-культурной коммуникации*. Санкт-Петербург: Роза мира; 2003.
12. Карпиевич ЕФ, Краснова ТИ. Задачи и способы организации работы с текстом (на основе таксономии Б. Блума). *Работа с текстом. Выпуск 1*. Минск: ПроPILEI; 2003. с. 21–46. (Современные технологии университетского образования).
13. Енин АВ. Психология «Провокативной педагогики»: некоторые аспекты теории и методики. *Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки*. 2009;2:252–255.
14. Хуртова ЕА. Провокативная психотерапия в психологии управления: мотивирование персонала. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология»*. 2007;2:134–138.
15. Сюзева НВ. Провокативные приемы при формировании антикоррупционного сознания. *Образование и наука*. 2013;3:46–57. DOI: 10.17853/1994-5639-2013-3-46-57.
16. Зобова АА. Провокативность медиапространства: аксиологический аспект. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*. 2014;1:434–438.
17. Козлов АЕ, Саженин ИИ. Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2015;5:142–155. DOI: 10.15293/2226-3365.1505.13.
18. Морозова ЕА. *Социально-психологическое исследование художественной провокативности (на примере современного авангардного искусства)* [диссертация]. Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет; 2005.
19. Сорокина СЕ. Акмеологический потенциал провокативности. *Вестник Костромского государственного университета*. 2008;2:170–174.
20. Гусева ЕС. Художественная провокативность: метод-прием-цель (на примере музыкальных текстов и художественных проектов современного искусства). *Обсерватория культуры*. 2013;4:47–52.
21. Полонников АА. *Дискурс-анализ событий образования. Критическое исследование*. Минск: Белорусский государственный университет; 2013.

22. Степанов ВН. *Провокативный дискурс массовой коммуникации* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2005.
23. Степанов ВН. Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики. *Московский лингвистический журнал*. 2003;6(2):157–180.
24. Кошкарлова НН. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2009;10:48–52.

References

1. Dvoretzkiy IH. *Latinsko-Russkiy Slovar* [Latin-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk; 1976. Russian.
2. Vasmer M. *Russisches etymologisches wörterbuch. Banden 3*. Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag; 1953. Russian edition: Vasmer M. *Etimologicheskii slovar russkogo yazyka. Chast' 3*. Turbachov ON, translator. Moscow: Progress; 1987.
3. Stolypin PA. [A speech on Y. Azef's case, delivered in the State Duma on February 11, 1909, in response to inquiries No. 51, 52]. In: Fel'shtinskii YuG, editor. *Polnoe sobranie rechey v Gosudarstvennoi Dume i Gosudarstvennom sovete, 1906–1911 gg.* [The complete collection of speeches at the State Duma and State Council, 1906–1911]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1991. Russian.
4. *Istoriya Vsesoyuznoy Communisticheskoy partii (bolshevikov)* [History of the All-Union communist party (Bolsheviks)]. Moscow: Pravda; 1938. Russian.
5. Tumskiy SV. [Provocation as a social act: definition of the phenomena in a context of crossdisciplinary analysis]. *Sotsiodinamika*. 2017;8:1–11. Russian.
6. Shemetova TN. [Art of provocation and perfect provocateur]. *Observatory of culture*. 2014;1:11–17. Russian.
7. Dmitriev AV, Sychev AA. *Provokatsiya: sotsiologicheskoye ocherki*. [Provocation: socio-philosophical essays]. Moscow: Center of social forecasting and marketing; 2017. Russian.
8. Farrelly F, Brandsma JM. *Provocative therapy*. Cupertino: Meta publications; 1975. Russian edition: Farrelly F, Brandsma JM. *Provokativnaya terapiya*. Kuchinina L, translator. Ekaterinburg: E-Print; 2012.
9. Morozova EA. [Provocativeness as a method of social and psychological influence (on the basis of avant-garde art)]. In: Kondrat'ev MY, Sachkova EM, editor. *Sotsialno-psichologicheskiye problemye obrazovaniya: voprosy teorii i praktiki. Chast' 2*. [Social and psychological problems of education: questions on theory and practice. Part 2]. Moscow: Moscow State University of Psychology and Pedagogy; 2001. p. 28–41. Russian.
10. Aleeva E. The consultation in the spirit of provocation. *Kommersant. Den'gi* [Internet]. 2003 June 16 [cited 2018 September 29]. 23(428). Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/388873>. Russian.
11. Stepanov VN. *Provokativnyy diskurs sotsialno-kulturnoy kommunikatsii* [Provocative Discourse of the Sociocultural Communication]. Saint Petersburg: Roza mira; 2003. Russian.
12. Karpievich EF, Krasnova TI. [Tasks and Ways of the Organization of Work with the Text (On the Basis of B. Blum's Taxonomy)]. *Rabota s tekstom. Chast' 1* [Work with the text. Issue 1]. Minsk: Propilei; 2003. p. 21–46 (Modern technologies of university education). Russian.
13. Enin AV. Psychology of provocative pedagogy: some aspects of theory and methodology. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2009;2:252–255. Russian.
14. Khurtova E. Provocative therapy in management: motivation. *The bulletin of the Samara Humanitarian Academy. A series of «Psychology»*. 2007;2:134–138. Russian.
15. Syuzeva NV. Provocative methods of Non-Corrupt Consciousness Formation. *The education and sciences journal*. 2013;1:46–57. Russian. DOI: 10.17853/1994-5639-2013-3-46-57.
16. Zobova AA. Provocativeness of media space: an axiological aspect. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014;1:434–438. Russian.
17. Kozlov AE, Sazhenin II. Provocative discourse as an object of linguistic investigation. *Novosibirsk State Pedagogical University bulletin*. 2015;5:142–155. Russian.
18. Morozova EA. *Sotsialno-psichologicheskoe issledovanie khudozhestvennoy provokativnosti (na primere sovremennogo avantgardnogo iskusstva)* [Sociopsychological research of an art provocativeness (on the basis of modern avant-garde art)] [dissertation]. Moscow: Moscow State University of Psychology and Pedagogy; 2005. Russian.
19. Sorokina SE. [Acmeological Potential of Provocativeness]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;14(2):170–174. Russian.
20. Guseva ES. Artistic provocativeness: method – technique – purpose as exemplified by musical texts and contemporary art projects. *Observatory of culture*. 2013;4:47–52. Russian.
21. Polonnikov AA. *Diskurs-analiz sobitiy obrazovaniya. Kriticheskoe issledovanie* [Discourse-analysis of the events in education field. Critical research]. Minsk: Belarussian State University; 2013. Russian.
22. Stepanov VN. *Provokativnyi diskurs massovoi kommunikatsii* [Provocative Discourse of Mass Communication] [dissertation]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University; 2005. Russian.
23. Stepanov VN. [Provocative Question from the Pragmalinguistic Position]. *Moscow Journal of Linguistics*. 2003;6(2):157–180. Russian.
24. Koshkarova NN. [Linguistic mechanisms of verbal aggression in mass media]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. 2009;10:48–52. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.10.2018.
Received by editorial board 01.10.2018.